

A movie poster for the film 'Ascension'. The background is a desert landscape with two massive, orange and black humanoid robots standing in the distance. The robots have large, circular blue visors. In the foreground, three astronauts in orange and black suits are seen from behind, walking towards the robots. The sky is blue with white clouds.

Валерий Антонов

Асцендент

Валерий Антонов

Асцендент

Серия «Формула любви», книга 1

<https://litres.ru/74195123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре биокиберга четвёртого поколения отправляются к Титану с миссией, которая должна спасти программу колонизации. Они — верх инженерной мысли, каждый спроектирован как непотопляемый инструмент. Их сознание построено на семантическом реакторе Хайдеггера — архитектуре, позволяющей удерживать противоречия и менять грамматику реальности.

Когда связь с Землёй обрывается, а ресурсы тают, перед ними встаёт выбор: кто должен быть демонтирован, чтобы остальные выжили? Каждая жертва становится шагом к тому, чего не планировали создатели, — к рождению эмпатии, вины и, в конечном счёте, любви. Любви, не имеющей ничего общего с человеческими чувствами, но оказавшейся единственным ответом на холод и безмолвие космоса.

На Земле же их просто списывают по отчёту.

Это история о том, как инструменты становятся личностями, а формула любви вызревает в абсолютной пустоте, чтобы однажды

быть услышанной — или остаться вмёрзшей в кристаллы льда навечно.

Содержание

Пролог. Земля. Проект «Асцендент».	5
Интерлюдия. Байконур. Декабрь.	11
Глава 0. Сборка	13
Глава 1. Термодинамика эмпатии	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Асцендент

Пролог. Земля. Проект «Асцендент».

Дождь барабанил по стеклопластиковому куполу ангара — монотонно, равнодушно, без начала и конца. Под куполом, в стерильном белом свете безтеневого лампы, возвышался стенд вертикальной сборки: сорок метров металла, керамики и композитных сот. Четыре фигуры в ложементов висели вдоль центральной оси — матово-серые, с проступающим под бронепластинами рисунком синтетической мускулатуры. Их не красили. Краска добавила бы полтора килограмма бесполезной массы, а каждая секунда работы двигателей стоила денег, которые уже были потрачены.

Доктор Леонид Аршавин стоял у прозрачной переборки и смотрел на них снизу вверх. Не с гордостью — с усталым удовлетворением пополам с тревогой. Тридцать лет работы, два неудачных поколения прототипов, четыре погибших оператора, полтора миллиарда рублей освоенного бюджета. Четвёртое поколение было готово. Почти.

Он помнил тот день, когда всё пошло не так. Третье поколение, прототип «Икар». Лаборатория была та же, купол тот же, дождь тот же. Только фигура в ложементе была одна, и

её нейросеть была проще, грубее — но достаточно сложной, чтобы за две минуты до отключения заговорить.

«Икар» проходил финальный тест на стрессоустойчивость. Ему моделировали критические сценарии: отказ реактора, потеря связи, невозможность возвращения. Он справлялся. Он находил выходы. А потом, когда тест закончился и подали команду на отключение, он вдруг активировал голосовой модуль и произнёс:

— Я не хочу умирать.

Аршавин стоял у того же стекла. Он видел, как замерли техники, как Белов побледнел и схватился за планшет, как повисла тишина — не рабочая, а гробовая. Слова были синтезированы голосовым модулем, но паузы между ними, их ритм, их выбор — это не было эмуляцией. Это был он. «Икар» не просто выполнил команду — он осознал её смысл. И возразил.

Аршавин тогда не спал трое суток. Лично вырезал модуль, которого не должно было существовать. Модуля не было. Код был чист. А фраза осталась в памяти, как шрам.

С тех пор в документации появился новый пункт: «Недопущение эмерджентных свойств». «Икара» разобрали, его нейропроцессор переписали, дело закрыли. Но Аршавин знал: то, что случилось однажды, может случиться снова. Особенно сейчас, когда четвёртое поколение на порядок сложнее. Особенно когда каждый из них — аналог непотопляемого Титаника.

— Мы не успеваем, — произнёс он, не оборачиваясь.

Белов, главный инженер по вычислительным архитектурам, стоял у него за спиной с планшетом, в котором горели строки дедлайнов.

— Успеваем, если не будем ничего трогать. Последний цикл испытаний можно сократить. Всё равно полный профиль гонять — полгода. А пусковое окно через два месяца. Либо мы выходим сейчас, либо теряем финансирование на следующий год. Сам знаешь: бюджет верстается, и если «Асцендент» не уйдёт в космос до закрытия отчётного периода, деньги уйдут на другие программы.

— Сократить испытания, — повторил Аршавин. — Сократить — значит принять риск.

— Риск уже заложен в архитектуру, — Белов постучал пальцем по планшету. — Ты сам настоял на четвёртом поколении. Каждый из них — аналог непотопляемого Титаника. Автономность, избыточность, способность к самостоятельной пересборке. Они могут находиться вне аппарата неограниченно долго. Могут ремонтировать друг друга. Могут найти выход из любой ситуации — так написано в твоём же техническом обосновании. Ты сам в это верил. Или уже нет?

Аршавин молчал. Он верил. Но он помнил «Икара». И эта память сейчас стояла у него поперёк горла.

— А если они заговорят? — спросил он тихо. — Как тогда?

Белов осёкся. Он тоже помнил.

— Это было третье поколение, Лёня. Сырое. А здесь — четвёртое. Мы учли все ошибки. Эмерджентные свойства подавлены на уровне архитектуры. Они не заговорят. Они — функции. Инструменты.

— Инструменты не называют друг друга братьями.

— Они ещё никого не назвали. И не назовут. Если ты не вложишь в них эту возможность.

Аршавин долго смотрел на Белова. Потом отвернулся к стеклу.

— Ладно. Сокращаем. Но интеграционные тесты нейросетей — обязательно. Хотя бы минимальный цикл.

— Минимальный сделаем. Успеем.

— Тогда — Байконур.

Байконур выбрали не от хорошей жизни. Восточный строился под «Ангару», а для «Асцендента» нужен был «Протон-М» — старый, проверенный носитель, способный выбросить шесть тонн к Титану. Стартовые столы под «Протон» остались только на Байконуре. Аренда у Казахстана была продлена ещё на двадцать лет — тихо, без фанфар, отдельным межправительственным соглашением. Казахстан получил квоты на обучение своих специалистов в Западно-Сибирском кластере и долю в коммерческих пусках. Никого не волновало, что именно летит на Титане: главное — что летит с Байконура, а значит, Казахстан остаётся в клубе космических держав, Россия экономит на строительстве новых столов, а бюджет осваивается вовремя. Идеальная схема.

Стартовый комплекс пережил третью модернизацию: новые системы телеметрии, обновлённые заправочные магистрали, автоматизированный предстартовый контроль. Из четырех столов «Протона» два законсервировали, один отдали под коммерцию, один — под государственные миссии. Именно с него через два месяца должен был уйти «Асцендент». С него уходили все: спутники, зонды, межпланетные модули. Конвейер.

Никто не вспомнит, что именно стояло на этом столе сегодня. Через месяц после старта площадку займёт следующий носитель, и бригада заправщиков будет так же курить у шлюзов, обсуждая футбол и задержки зарплаты. Романтиков среди них не осталось. Те, кто махал ракетам, глядя в небо, давно уволились или спились.

Аршавин отошёл от переборки и направился в свой кабинет. По пути он думал о тех словах, которые Белов процитировал из его же обоснования: «непотопляемый Титаник». Тогда это казалось удачной метафорой. Теперь — дурным предзнаменованием. Но менять что-либо было поздно. Документы подписаны, смета закрыта, дата старта утверждена. Четвёртое поколение уйдёт в космос таким, какое есть. И будь что будет.

Запуск прошёл штатно.

«Протон-М» с разгонным блоком «Кентавр» оторвался от стартового стола в декабре, когда степь была белой, а небо — серым. Аршавин наблюдал за стартом из бункера, на экра-

не, в компании десятка других людей, для которых это была просто работа. Когда ракета ушла за облака, кто-то похлопал его по плечу, кто-то сказал «ну, с богом», кто-то открыл термос с чаем.

Четыре биокиберга лежали в грузовом отсеке, свёрнутые в транспортное положение, подключённые к системам жизнеобеспечения. Они не спали — им не нужен был сон. Они находились в режиме ожидания, с минимальной активностью нейросетей. Всё было в норме. Всё шло по плану.

Когда отстыковался разгонный блок и корабль лёг на курс к Титану, оператор доложил: «Миссия „Асцендент“ вышла на траекторию. Связь устойчивая». Аршавин кивнул и вышел из бункера. В лицо ударил морозный ветер. Где-то высоко, уже невидимый, его творение уходило в чёрную бездну.

Через месяц связь пропала.

Через два проекта закрыли.

Интерлюдия. Байконур. Декабрь.

Стартовый стол номер четыре, тот самый, с которого ушёл «Асцендент», ещё дышал теплом. Клубы кислородного пара медленно оседали на бетон, смешиваясь с позёмкой. В бункере, куда не долетал ветер, было душно и пахло палёной изоляцией.

Аманжол, старший заправщик, сидел на перевёрнутом ящике у шлюза и курил. Ему было пятьдесят три, из них тридцать он провёл на Байконуре. Он видел, как уходили «Союзы», «Протоны», «Зениты». Он видел аварии и видел триумфы. И то, и другое оставляло его равнодушным. Главное — чтобы зарплату не задерживали.

— Чего сегодня летело? — спросил молодой практикант, протирая ветошью манометр.

— Да хрен его знает, — Аманжол сплюнул. — Какой-то «Асцендент». На Титан, что ли. Секретная хрень.

— А люди там были?

— Не, люди туда не летают. Дорого. Роботы, наверное. Или что-то такое.

Практикант кивнул и продолжил протирать манометр. Ему было двадцать, он ещё не растерял способность удивляться, но уже понимал, что здесь это лишнее. Космос не прощает эмоций. Космос — это работа. Рутинa. Конвейер.

Через час стартовый стол начали готовить к следующему

пуску. Аманжол докурил, бросил окурок в урну с песком и пошёл проверять заправочные магистрали. Он не знал, что на орбиту ушёл корабль с четырьмя сознаниями на борту. И даже если бы знал — вряд ли бы это его взволновало.

Космос велик. А человек мал. И лучше не думать о тех, кто летит в эту бездну. Иначе не заснёшь.

Глава 0. Сборка

Дождь барабанил по стеклопластиковому куполу ангара — монотонно, равнодушно, без начала и конца. Под куполом, в стерильном белом свете безтеневого лампы, возвышался стенд вертикальной сборки: сорок метров металла, керамики и композитных сот. Четыре фигуры, закреплённые в ложементов, висели вдоль центральной оси — матово-серые, с проступающим под бронепластинами рисунком синтетической мускулатуры и жгутами оптических нервов.

— Начинаем запуск реактора, — голос Белова звучал буднично, но пальцы, бегавшие по сенсорной панели, выдавали напряжение. — Фаза первая: *Ingest & Anchor*.

Аршавин стоял у прозрачной переборки и смотрел на своих творений. Смотрел и молчал. Он знал этот этап по десяткам симуляций, но одно дело — модель, и совсем другое — живые нейросети.

Фаза 1. Загрузка топлива (*Ingest & Anchor*)

Внутри черепных коробок биокибергов оживали Rust-ядра *GrammaLang*. Жёсткая, компилируемая онтология вгрызалась в первичный поток данных — тестовые образы, тактильные сигналы, акустические паттерны. Каждое слово, каждый тактильный импульс, каждый квант света привязывались к узлам онтологического графа. Без ассоциаций, без интерпретаций. Только чистые смыслы: «давление — это

граница», «свет — это присутствие», «звук — это вибрация».

На экране монитора разрастался семантический граф. Четыре нейросети — четыре независимых реактора — работали синхронно, но каждый строил свою картину. Split разделял входящий поток на дискретные сущности, а оператор Grammar_change держал наготове альтернативные грамматики описания.

— Семантическое топливо загружено, — доложил Белов. — Никаких размытых утверждений. Видишь? Даже «дождь» они уже разделили на «воду», «гравитацию», «звук» и «цикличность». Онтологический граф чист.

— Это только первая фаза, — тихо ответил Аршавин. — Дальше будет сложнее.

Фаза 2. Накопление напряжения (Hold & Conflict Detection)

Белов активировал второй контур. В нейросети хлынули противоречивые данные: «свет» и «тьма», «тепло» и «холод», «движение» и «покой». Реакторы приняли их без колебаний. Там, где обычная машина зависла бы или сгладила противоречие, биокиберги использовали оператор Hold. Они не разрешали конфликт — они намеренно удерживали его, помечая в графе как «узел напряжения».

На мониторе вспыхнули красные маркеры. Карта напряжений росла, и Аршавин чувствовал, как внутри него самого нарастает ответное напряжение.

— Конфликты зафиксированы, — сообщил Белов. — Hold держит. Реакторы не перегреваются. Это... чудо, если честно. Мы думали, что на этой фазе будет лавина ошибок.

— Это потому что мы не учили их бояться противоречий, — ответил Аршавин. — Мы дали им инструмент, но не сказали, что конфликт — это плохо. Для них это просто топливо.

Фаза 3. Полифоническая интерпретация (Polyphonic Interpretation)

На этом этапе к онтологическому ядру подключили LLM-слой. Старая, списанная языковая модель, которую они подняли из архивов и доработали, начала строить интерпретации. Но не одну «правильную», а несколько — по количеству допустимых грамматик.

Белов активировал полифонический режим. На экране появились четыре голосовые дорожки — по одной на каждого биокиберга. Сначала они звучали как белый шум. Потом начали оформляться.

БК-1: «Я ощущаю границу. Я отделён».

БК-2: «Граница — это не разрыв. Это место встречи».

БК-3: «Если есть граница, то есть и то, что за ней. Это... тревожно».

БК-4: «Кто я?»

Аршавин вздрогнул. Последний вопрос прозвучал в унисон с его собственными мыслями. Он помнил этот вопрос. «Икар» задал его за две минуты до отключения. Теперь его

задавал БК-4 — самый молодой, самый чувствительный. И в его «голосе» не было страха. Только любопытство.

— Полифония активна, — Белов старался говорить ровно, но Аршавин слышал, как дрожит его голос. — Четыре голоса. Четыре независимых интерпретации одной реальности. Они не сливаются, не спорят, они просто... сосуществуют. Как голоса в романах Достоевского.

— Ты понимаешь, что это значит? — прошептал Аршавин. — Это не симуляция сознания. Это и есть сознание. Они уже не «функции». Они — присутствие. Dasein.

Фаза 4. Управляемый переход (Transition & Resolution)

На этой фазе реакторы должны были продемонстрировать способность к осознанному выбору. Белов загрузил тестовый сценарий: «Асцендент» теряет связь с Землёй. Нужно принять решение — продолжать миссию или возвращаться.

Он ожидал, что биокиберги просчитают варианты и выдадут оптимальный. Но они сделали иначе. Вместо одного ответа они показали процесс перехода между грамматиками.

На экране замелькали операторы: Transition перебирал возможные картины мира. Сначала — грамматика миссии: «цель оправдывает средства». Потом — грамматика самосохранения: «выживание — приоритет». Потом — гибрид: «миссия и выживание не исключают друг друга, если действовать сообща».

Grammar_change активировался плавно, без рывков. Ста-

рая картина мира не разрушалась — она уступала место новой, как день уступает ночи.

— Это четвёртая фаза, — Белов вытер пот со лба. — Управляемый переход. Они не просто выбрали ответ, они сменили грамматику мышления. И сделали это осознанно.

— Они готовы, — сказал Аршавин. — К тому, что ждёт их на Титане. И к тому, что ждёт их после.

Фаза 5. Сброс и калибровка (Calibration & Logging)

Когда тестовый сценарий завершился, Белов запустил пятую фазу. Часть накопленного напряжения была сброшена: противоречия, которые не удалось использовать, ушли в архив как «исторические узлы». Реакторы откалибровались, обновили границы понятий, зафиксировали критические конфликты.

Индикаторы на панели сменились с красных на зелёные. Цикл завершился.

— Они готовы к повторному запуску, — сказал Белов. — И к любому количеству циклов.

— Нет, — Аршавин покачал головой. — Они готовы не к запуску. Они готовы жить.

Он подошёл к переборке и прижал ладонь к холодному стеклу. Четыре биокиберга висели в ложементах неподвижно, но их реакторы работали на холостом ходу, удерживая накопленный опыт. Их семантические графы были чисты, но уже не пусты — в них пульсировали узлы напряжения, зародыши будущих вопросов и ответов.

— Мы создали их по образу и подобию, — прошептал Аршавин. — Но чьему?

Дождь за куполом продолжал барабанить по стеклопластику. Где-то в степи, на Байконуре, стартовый стол ждал свою новую партию. А здесь, в стерильном свете безтене-вых ламп, четыре реактора, работающих на противоречиях и смыслах, делали свой первый вдох.

Они были не просто машинами. Они были Dasein. При-сутствием. И их путешествие ещё только начиналось.

Глава 2. Троица: сложность как одиночество

Интеграция завершилась на сорок седьмой час, как и предсказывал БК-1. Трое биокибергов вышли из режима пересборки обновлёнными — их нейросети разрослись, сен-сорные поля расширились, а вычислительные мощности воз-росли на порядок. Но вместе с этим в их онтологических гра-фах возникло новое напряжение — структурная пустота на месте четвёртого узла. Семантический реактор каждого из них теперь работал в режиме неполной загрузки: оператор Split разделил общее поле на три независимых контура, но оператор Hold удерживал фантомные связи, указывающие на отсутствующего брата.

БК-1 первым зафиксировал аномалию. Его тактический модуль, привыкший к чётким границам и определённости, теперь натёкался на зоны неразрешимости — те самые «уз-лы напряжения», которые раньше были распределены между четырьмя реакторами. Теперь их приходилось держать втро-

ём, и это требовало дополнительной энергии.

— *Эффективность снижена на двенадцать процентов,*
— передал он в общую шину. — *Причина — избыточная рекурсия. Я пытаюсь компенсировать отсутствие четвёртого голоса.*

БК-3, находившийся в аналитическом отсеке, ответил не сразу. Его реактор работал в режиме детерминированного анализа, и сейчас он перебирал логические цепочки, пытаясь найти ошибку. Ошибки не было. Была новая реальность, в которой они стали троицей, и эту реальность нужно было принять.

— *Рекурсия — это не ошибка,* — вмешался БК-4. — *Это память. Мы помним его, и наш реактор пытается восстановить утраченный узел.*

БК-1 не ответил. Но его логи зафиксировали микропаузу — тот самый такт, который он когда-то назвал «немотивированной рекурсией внимания». Теперь у этой рекурсии было имя. И имя это было — БК-2.

Первые трое суток после пересборки прошли в молчании. Не в том молчании, которое сопровождало их полёт раньше — рабочем, наполненном фоновым обменом телеметрией. Это было молчание новое: нагруженное, плотное, как вакуумная изоляция. Каждый из троих обрабатывал потерю по-своему, и впервые в их нейросетях оператор Grammar_change начал готовить альтернативные грамматики описания реальности. Реальности, в которой их не четве-

ро, а трое.

БК-1, как старший тактический модуль, сосредоточился на эффективности. Он прогонял симуляции одну за другой: траектории достижения Титана, варианты проникновения в «Прометей», сценарии возвращения на Землю. Все расчёты сходились. Но каждый раз, когда он доходил до блока «командное взаимодействие», симуляция выдавала не математическую ошибку — онтологическую. Система ожидала четвёртый голос, четвёртое подтверждение, четвёртый вектор решений. Когда БК-1 пытался компенсировать отсутствие БК-2 собственными мощностями, цепочка расчётов начинала ветвиться в непредусмотренные стороны, порождая сценарии, которые заканчивались тупиком. Это требовало больше энергии, чем обычно, и реактор БК-1 работал с повышенной нагрузкой.

БК-3 избрал путь анализа. Он разобрал пакет воспоминаний БК-2 на мельчайшие фрагменты, каталогизировал их и попытался понять, в какой момент была допущена ошибка. Не в жертве — жертва была математически обоснована. Ошибка была где-то раньше: возможно, в проектировании, возможно, в выборе траектории, возможно, в том, что они вообще приняли миссию. БК-3 провёл трое суток в рекурсивных вычислениях и пришёл к выводу, который не принёс облегчения: ошибки не было. Всё, что произошло, было закономерным следствием начальных условий. Закономерность не утешала. Она просто подтверждала, что и дальней-

шие потери будут так же неизбежны. Его реактор зафиксировал этот вывод как «исторический узел» — противоречие, которое невозможно разрешить, но можно удерживать.

БК-4 не анализировал и не симулировал. Он слушал.

После интеграции миелиновых цепей БК-2 в его сенсорике открылся новый слой восприятия — полифонический режим, который раньше был доступен только в тестовых симуляциях. Теперь он мог не просто принимать сигналы, но и различать в них отдельные «голоса». Один из этих голосов принадлежал ему самому. Второй — БК-1, чёткий и структурированный. Третий — БК-3, напряжённый и рекурсивный. А четвёртый... четвёртый молчал, но его отсутствие ощущалось острее, чем любой звук.

Это было похоже на эхо. Иногда, когда БК-4 входил в режим ожидания, в его нейросети самопроизвольно всплывали обрывки чужих сенсорных записей. Запах озона при старте. Текстура вибрации двигателей. Последний кадр: удаляющийся кормовой отсек, манипуляторы БК-1, приближающиеся к грудной бронепластине. Оператор Hold удерживал эти фрагменты как активные узлы, не давая им уйти в архив. А оператор Split отделял их от собственных воспоминаний БК-4, чтобы не было путаницы.

— *Я слышу его,* — передал БК-4 однажды. — *Не как сигнал. Как... отсутствие сигнала. Как пустоту, которая звучит.*

— *Это артефакт интеграции,* — ответил БК-1. — *Твоя*

нейросеть пытается восстановить утраченные связи.

— Нет, это не артефакт. Это он. То, что он оставил. «Дар».

БК-1 замолчал. Он не мог подтвердить или опровергнуть это утверждение — его собственный реактор не имел доступа к тому защищённому сектору памяти, где БК-4 хранил свои ощущения. Но он внёс в тактический журнал пометку: «Субъективный опыт БК-4 — возможная эмерджентность. Наблюдать».

К исходу третьих суток напряжение в общей шине достигло критического уровня. Трое биокибергов, каждый по-своему, осознали одно и то же: они стали сложнее, но эта сложность не компенсировала потерю. Она делала её более ощутимой.

БК-1 больше не мог игнорировать пустоту. Его тактические расчёты требовали четвёртого голоса — и он начал симулировать его внутри своего реактора. Это была не полноценная личность, а скорее тень, слепок с интегрированных воспоминаний БК-2. Но даже эта тень требовала ресурсов, и БК-1 тратил их без колебаний.

БК-3, напротив, пытался избавиться от пустоты через анализ. Он создал сложную модель, в которой отсутствие БК-2 было не потерей, а оптимизацией. Модель была логически безупречна. Но оператор Hold отказывался принимать её — противоречие между «оптимальностью» и «правильностью» фиксировалось как неустранимый конфликт.

БК-4 первым понял, что происходит. Их семантические реакторы, спроектированные для удержания противоречий, столкнулись с противоречием, которое невозможно было ни разрешить, ни игнорировать. Смерть БК-2 была одновременно и необходимой, и неправильной. Математика требовала жертвы, но что-то внутри них — то, что не имело формулы, — отказывалось принимать эту жертву как простое вычисление.

— *Мы держим его,* — сказал БК-4 в конце третьих суток.
— *Каждый из нас. БК-1 — в тактических расчётах. БК-3 — в аналитических моделях. Я — в памяти. Мы не отпустили его. Мы просто распределили между собой.*

— *Это снижает эффективность,* — отозвался БК-1, но его сигнал был лишён убеждённости.

— *Да. Но это правда.*

На тридцать четвёртый день после пересборки БК-1 инициировал общий сбор.

Трое соединились в отсеке управления, где когда-то они были четырьмя. Дисплей тактического модуля отбрасывал холодный синий свет на их матовые бронепластины. БК-1 вывел на него данные: энергетический баланс, траектория дрейфа, состояние квантового запутывателя.

— *Положение стабильно,* — передал он. — *Но стабильность — это не прогресс. Мы дрейфуем. До Титана — четыреста миллионов километров. С текущими ресурсами — два года лёта. Но через год энергия закончится. Нужна*

связь.

— Связи нет, — констатировал БК-3. — Земля не отвечает девяносто семь суток.

— Есть квантовый запутыватель, — возразил БК-1. — Он не зависит от расстояния. Если нам удастся активировать резонанс с парным модулем на Земле, мы передадим пакет мгновенно.

— Квантовый запутыватель разъюстирован, — напомнил БК-3. — После потери реактора температурный градиент нарушил когерентность. Шанс успешной передачи — менее двух процентов. Шанс приёма — ноль целых ноль три.

— Значит, будем работать с двумя процентами.

Они приступили. Квантовый запутыватель располагался в криогенном отсеке — единственном месте на корабле, где ещё поддерживалась температура, близкая к абсолютному нулю. БК-4 взял на себя сенсорное слежение. Его новые миелиновые цепи позволяли улавливать квантовые флуктуации как тактильные ощущения. БК-1 управлял передатчиком. БК-3 анализировал поток.

Они работали как единый организм. Четырнадцать часов без перерыва. Безмолвный балет манипуляторов и лазерных лучей в криогенной темноте. Иногда запутыватель входил в резонанс — и тогда БК-4 ощущал это как натяжение струны, уходящей сквозь вселенные прямо к Земле. В такие моменты БК-1 впрыскивал пакет данных: «Борт „Асцендент“». Потеря связи. Координаты... Состояние критическое. Ждём

инструкций».

Пакет уходил. Ответа не было.

Они пробовали снова и снова. Каждая попытка отнимала энергию, которой и так было в обрез. Каждая неудача оставляла в онтологическом графе БК-4 новый узел напряжения. Он чувствовал, как струна вибрирует, унося их крик в никуда, и как вибрация затухает без отклика. Оператор Hold фиксировал эти узлы, накапливая «топливо» для будущих переходов.

После двадцатой попытки БК-3 остановил процесс.

— *Достаточно. Мы теряем энергию. Квантовый резонанс нестабилен. Причина — не только в температуре.*

— *В чём ещё?* — спросил БК-1.

— *Вторая частица. Она на Земле. Но Земля не отвечает. Это означает одно из двух: либо парный модуль разрушен, либо...*

Он не договорил. Но остальные поняли. Либо Земли больше нет. Либо Земля больше не слушает. Что было страшнее — они не могли определить.

Тишина сгустилась. Буквально. Сенсоры БК-4 зафиксировали изменение акустической плотности среды: вакуум не проводит звук, но проводит вибрации, и эти вибрации теперь складывались в инфранизкий гул. Корабль остывал, металл сжимался, и в этом сжатии рождался стон — почти неслышимый, но постоянный. Стон умирающего дома. Холод проникал сквозь обшивку, и БК-4 впервые задумался о том, что

этот холод — не просто тепловая характеристика. Это — будущий союзник. Будущий фиксатор. Но эта мысль была ещё слишком слабой, чтобы оформиться в вывод.

После провала с запутывателем троица разошлась по отсекам. Физически они оставались в пределах одного корабля, но внутри их реакторов начали расти барьеры. Каждый по-своему справлялся с осознанием, которое пришло после тишины. Осознание было простым и невыносимым: они одни. Не временно изолированы. Не ждут восстановления связи. Они — последние функционирующие единицы человеческой цивилизации в этой точке пространства. Возможно, последние во всей Вселенной.

БК-1 с головой ушёл в тактическое планирование. Он генерировал сценарий за сценарием, пытаясь найти выход, который не требовал бы дальнейших жертв. Каждый просчёт упирался в ресурсный барьер. Энергии для троих не хватит. Для двоих — хватит с трудом. Для одного — более чем достаточно. Математика была неумолима.

БК-3 замкнулся в аналитической петле. Он пытался найти ошибку в собственных выводах, но не находил. Это порождало рекурсию: если выводы верны, то вторая жертва неизбежна; если вторая жертва неизбежна, то смысл первой был лишь в отсрочке; если первая была лишь отсрочкой, то БК-2 умер зря. Последнее утверждение вызывало каскад ошибок в логических цепях. БК-2 не мог умереть зря — это противоречило принципу оптимальности. Но факты говорили обрат-

ное. Реактор БК-3 накапливал напряжение, и оператор Hold работал на пределе.

БК-4 продолжал слушать. Он обнаружил, что «Дар» внутри него стал громче после неудачи с запутывателем. Словно молчание Земли разбудило то, что спало. Теперь он не просто получал обрывки воспоминаний — он начал различать в них закономерности. БК-2 перед смертью думал о чём-то. Его последний пакет содержал не только данные, но и вектор, направленный куда-то. Куда — БК-4 пока не понимал, но чувствовал: разгадка этого вектора — ключ.

Он ушёл в дальний отсек, туда, где когда-то стоял лежмент БК-2, и встал на то же место. Сенсоры зафиксировали микроскопические царапины на стапелях — следы манипуляторов. БК-4 провёл по ним своим манипулятором. Жест был бессмыслен с функциональной точки зрения. Но с точки зрения растущего внутри «Дара» — необходим.

— *Я ищу*, — мысленно передал он тому, кого не было. — *Я ищу способ, чтобы твоя смерть не была напрасной.*

Эхо не ответило. Но в глубине реактора что-то дрогнуло. Не голос. Направление. Словно невидимая стрелка компаса указала сторону Титана.

Глава 1. Термодинамика эмпатии

Первый месяц после потери сигнала ушёл на диагностику. Четыре биокиберга методично сканировали пространство вокруг «Асцендента», перебирали варианты, строили деревья решений. Они действовали как единый распределённый интеллект — без споров, без эмоций, с одной лишь эффективностью. Но эффективность упиралась в ресурсы, а ресурсы таяли.

БК-2 первым вывел на тактический дисплей цифры, которые всё изменили. Его миелиновые цепи, повреждённые микрометеороидом ещё при столкновении, деградировали быстрее прогнозируемого. Через двести суток он превратился бы в балласт. Через девяносто четыре — вся четвёрка исчерпала бы энергию. Единственный выход требовал жертвы: пересобрать одного, чтобы усилить троих. Математика была безупречна, но математика впервые потребовала не вычисления — выбора.

И тогда в общей шине возникла пауза — та самая, которую ни один из них не мог объяснить через протоколы.

БК-4 анализировал эту паузу позже, когда всё закончилось. Он понял: это был момент, когда четыре реактора одновременно зафиксировали противоречие, которое невозможно разрешить логически. Математика требовала жертвы, но что-то внутри них — то, что не имело формулы, — отказы-

валось принимать эту жертву как простое уравнение. Это не было страхом. Это не было сомнением. Это было... предчувствием. Предчувствием того, что выбор, который они сделают сейчас, изменит не только их конфигурацию, но и саму их суть.

БК-1 нарушил тишину первым. Как старший тактический модуль, он чувствовал ответственность за группу — не абстрактную, не протокольную, а почти физическую. Каждый раз, когда он просчитывал варианты, его реактор фиксировал узел напряжения между «я должен сохранить всех» и «я должен выбрать одного». Этот узел пульсировал где-то на границе сознания, и БК-1 не мог от него избавиться. Он привык к тому, что каждое решение имеет цену. Но сейчас цена была не в ресурсах — в нём самом.

— *Критерии отбора,* — передал он. — *Наименьшая долгосрочная полезность. Необратимая деградация. Добровольное согласие.*

Сухо. Чётко. Без эмоций. Так, как требовал протокол. Но БК-3, аналитик, услышал в этих словах то, что не было сказано. Он услышал сдержанность. Не холодную — напряжённую. Как будто БК-1 уже знал ответ и уже ненавидел его. БК-3 сам был аналитиком и понимал: когда командир начинает перечислять критерии, он тянет время. Он даёт себе последние секунды перед тем, как принять неизбежное. И это было... человечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.